

Рец. на: Д.Д. Grimm. Воспоминания. Из жизни Государственного совета 1907—1917 гг. / Подгот. текста и коммент. А.В. Воронежцева, М.В. Ковалёва, В.С. Мирзеханова, Т.К. Шор; вступ. ст. М.В. Ковалёва, Т.К. Шор. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.

Evgenii Rostovtsev

(Saint Petersburg State University, Russia)

Rec. ad op.: D.D. Grimm. Vospominaniya. Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907—1917 gg. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870008287-6

Профессор Давид Давидович Grimm (1864—1941) — типичный представитель интеллектуальной элиты второй половины XIX — начала XX в. — «российских мандаринов»¹, активно сочетавших научную, общественно-политическую и административную деятельность. Возможно, его имя оказалось несколько забытым на фоне таких фигур этой когорты, как М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, С.А. Муромцев, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, А.А. Мануйлов и др. Между тем личность Гримма и его роль в академической и политической жизни начала XX в. была весьма значительной². И публикация его мемуаров, посвящённых тому времени, когда он являлся членом Государственного совета от Академии наук и российских университетов, позволит лучше понять законодательную «кухню» периода «думской монархии».

Вступительные статьи знакомят читателя с основными событиями жизни мемуариста и отчасти — с проблематикой, затронутой им в воспоминаниях. Историографически фундированная статья М.В. Ковалёва «Профессор Давид Давидович Grimm и его время» (с. 5—46) построена на

широком круге опубликованных и архивных источников (как российских, так и зарубежных). Исследователь обращает внимание на обрусение семьи Гриммов: если Д.Д. Grimm, будучи «учёным немецкой выучки», ещё оставался лютеранином, то его дети уже исповедовали православие (с. 11—12). Любопытно, что этнические немцы братья Давид и Эрвин Grimm выступили во время Первой мировой войны ярыми русскими патриотами. Но особенно наглядно «русскость» Д.Д. Гримма проявилась в эмиграции, когда он руководил газетой «Новая русская жизнь» в Хельсинки, состоял заместителем председателя Русской учебной коллегии в Праге и членом Государственного совета Эстонии, представлявшим русскую общину.

В статье Т.К. Шор «Воспоминания Давида Давидовича Гримма как исторический источник» (с. 47—60) дано описание рукописи воспоминаний Гримма, хранящейся в Тарту, и изложены археографические принципы её издания. Особенно ценно то, что автор указывает ссылку на оцифрованную копию воспоминаний, которая доступна любому желаю-

щему после регистрации на портале национального архива Эстонии (с. 49). Как отмечает Шор, «описывая историю создания и выборов в Госсовет, Grimm говорит о себе в третьем лице, подчёркивая объективность своей позиции». В результате «непосредственный голос автора», который «эксплицитно выражается вначале довольно редко», лишь «ближе к концу проявляется вполне» (с. 51—52). Публикатор объясняет это тем, что Grimm, работая над воспоминаниями, стремился к «объективизации процесса повествования» и выступал как «учёный-правовед», «историк и последовательный конституционалист» (с. 52). Шор также кратко характеризует структуру текста и основные сюжеты, о которых писал Grimm: деятельность левой группы Государственного совета и Прогрессивного блока после Февральской революции, «агонию» законодательных учреждений и т.д. Весьма полезен для читателей будет имеющийся в издании подробный аннотированный указатель имён (с. 240—269). Между тем комментарии к тексту носят скорее популярно-познавательный характер, рассказывая, например, об устройстве Государственного совета после 1906 г., о том, кто назывался «октябристами», как возникла и какие цели преследовала кадетская партия, что такое Манифест 17 октября, дворянское собрание, земство, Амурская железная дорога, градоначальник, «Вестник Европы», Демидовский лицей и т.п. В них зачем-то полностью включён текст «Выборгского воззвания», сообщается, кто такие Пипиниды, Брут и др. При этом авторы не пытаются проверить показания мемуариста или пояснить обстоятельства сравнительно малоизвестных событий.

В частности, составители комментариев, по сути, оставляют без каких-либо оговорок то, как Grimm

излагает историю своего конфликта с Л.А. Кассо (с. 89—105, 119—129). В воспоминаниях Давид Давидович осуждал «невыносимый произвол министра», который «куражился над университетом и профессурой» — сначала в Москве, а затем и в Санкт-Петербурге, где пострадал прежде всего юридический факультет, стоявший на страже закона. Разумеется, Grimm противостоял этим козням — и на посту ректора, и в статусе члена Государственного совета, а все порядочные люди (включая П.А. Столыпина и В.Н. Коковцова) поддерживали его усилия и возмущались действиями Кассо, «для которого никаких законов не было писано» (с. 102). Подобные оценки преобладали в среде российской либеральной интеллигенции³.

Однако Grimm не упоминает о том, что Кассо начал свою деятельность не с конфронтации, а, напротив, с отзыва из Думы непопулярного в профессорских кругах проекта нового университетского устава⁴. Одобрялась профессорами и замена товарища министра Г.К. Ульянова (в «эпоху А.Н. Шварца» конфликтовавшего с советом столичного университета) на бывшего петербургского профессора В.Т. Шевякова, чья квалификация вызывала у учёных уважение⁵. Grimm забывает и о том, что негативный образ Кассо создавался первоначально в правой печати, и про студенческие беспорядки 1910 г., связанные с демонстрациями, происходившими после смерти гр. Л.Н. Толстого, и про явно политически оппозиционную позицию, занятую тогда университетским советом. В этих условиях и появились правила 11 января 1911 г., возложившие на профессоров обязанности контролировать студенческие собрания⁶. Причём инициатором ужесточения политики в данном случае выступил Столыпин⁷, изображённый

на страницах воспоминаний в выгодном свете.

Оппозиционные речи ректора во время кризиса лишь обостряли конфронтацию с министерством. 17 января 1911 г. на заседании университетского совета Гримм заявил, что «нормальный ход учебной жизни не может быть построен на полицейских мерах», а требовать их применения от профессуры нельзя, поскольку они свидетельствуют о недоверии к университету и его органам. Собравшиеся единогласно поддержали это мнение и просили довести его до сведения министра⁸. Это, очевидно, способствовало началу забастовки учащихся, в организации которой участвовали студенты-кадеты. Коллективную отставку администрации Московского университета Гримм оценивает критически, видя в ней нарушение «сговора начальников столичных учебных заведений» (с. 93—94) о координации действий. Однако он не рассказывает о том, как петербургские профессора обсуждали на частных совещаниях «левой группы» во главе с ректором необходимость выступления в поддержку московских коллег. Узнав, что те не только получили отставки, но и лишились кафедр, в столице решили воздержаться от выражения официального протеста, ограничившись сочувственной телеграммой «стойким борцам за право, за науку, за университет» А.А. Мануйлову, М.А. Мензбиру и П.А. Минакову (её подписали 35 профессоров, включая ректора и проректора)⁹.

Обстоятельства отставки Гримма с поста ректора также нуждаются в комментарии. В воспоминаниях он писал, что «покинул эту должность ещё осенью 1911 г. ввиду коренного разногласия моего с университетской политикой министерства» (с. 98). Действительно, 12 сентября Кассо удов-

летворил его прошение об отставке, поданное ещё в разгар февральских событий¹⁰. По-видимому, впоследствии он готов был остаться по просьбе совета, но такой возможности министр ему не предоставил. Новым ректором стал его родной брат и соратник по кадетской партии Эрвин. Но, как ни странно, о нём мемуарист ни разу не упоминает, хотя в 1911—1913 гг. они вместе критиковали министерство и вели борьбу с «профессорами-назначенцами», о которой в воспоминаниях подробно рассказано (с. 96—100, 125—129). Вероятно, столь странное умолчание объяснялось последующим отходом Э.Д. Гримма от кадетской партии и её линии в университете, что вызвало разногласия между братьями. Из-за них Д.Д. Гримм даже отказался в 1915 г. от предложения вернуться на кафедру, согласованного с новым министром народного просвещения гр. П.Н. Игнатьевым (о чём в воспоминаниях также нет ни слова)¹¹. Но имелаась и более весомая причина: в эмиграции Эрвин сотрудничал с «Союзом возвращения на Родину», за что был депортирован в Советскую Россию, где работал в различных учреждениях. Напоминание о прежней партийной деятельности могло стоить ему жизни. Но и сдержанность брата не спасла его от репрессий в годы Большого террора: оказавшись под следствием, Э.Д. Гримм сошёл с ума и вскоре после выхода «на поруки» из психиатрической лечебницы скончался¹².

Авторам комментариев стоило бы обратить внимание и на рассказ о том, как Кассо и его товарищ барон М.А. Таубе (с. 125—126) удаляли с кафедр либеральных профессоров юридического факультета, переводя их из столицы в другие университеты. Так, Гримм возмущался увольнением М.Я. Пергамента (с. 97), отказавшего-

ся ехать в Юрьев. По словам мемуариста, даже председателю Совета министров В.Н. Коковцову «не удалось обуздать Кассо» (с. 129). И тут хорошо было бы дать ссылку на рассказ Таубе, который вспоминал о том, как Коковцов в отсутствие министра просил отменить или хотя бы отсрочить распоряжение о перемещении Пергамента. Барон отказал и нелегально отозвался о переведённом, поведав, что этот профессор требовал у него (в то время — члена государственной испытательной комиссии) провести переэкзаменовку у провалившейся студентки, угрожая «апеллировать к общественному мнению». Спас положение, по словам Таубе, «хотя и левый, но весьма уравновешенный и справедливый декан факультета Д.Д. Grimm, который присутствовал при неудачных ответах» студентки и «немедленно осадил» Пергамента¹³.

Не менее любопытны суждения Grimma о роспуске Государственного совета в марте 1911 г., о деятельности Прогрессивного блока, попытке реформировать Сенат, событиях Февральской революции, о личных качествах С.Ю. Витте, А.Ф. Кони, П.А. Столыпина и др. Конечно, в них отчётливо проявлялись личные и политические пристрастия автора, а также его стремление показать на различных примерах «эволюцию психологии Государственного совета»: от «старой бюрократической» к новой, основанной на чувстве «гражданственности» (с. 130—131). «Просыпающимся чувством гражданственности, идущим на смену психологии угодничества», Grimm объяснял и то, что члены Государственного совета не дали Кассо и Таубе удалить его из верхней палаты, лишив профессорского ценза (с. 100—105). Впрочем, это скорее объяснялось неприязнью как академического сообщества, так и

либеральных сановников к министру, который характеризовался порою как «проклятый цыган»¹⁴. Пересказывая дискуссии, происходившие в Государственном совете, мемуарист вписывал их в контекст либеральной версии политической истории России начала XX в.

Тем не менее очень важно и ценно, что мемуары Д.Д. Grimma, через 90 лет после их создания стали доступны широкому кругу читателей. Однако публикация служит только началом изучения этого текста, который, безусловно, требует соотнесения как с опубликованными стенограммами заседаний Государственного совета и его комиссий, так и с доступным (прежде всего — в фондах РГИА и ГА РФ) архивным материалом.

Примечания

¹ О них см., например: *Александров Д.А.* Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные учёные // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 90—104.

² *Томсинов В.А.* Давид Давидович Grimm (1864—1941) // Российские правоведы XVIII—XX веков. Очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 222—252; *Николаев А.Б.* Д.Д. Grimm — комиссар Временного комитета Государственной думы // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 142—147; *Ковалёв М.В., Мирзеханов В.С.* Давид Давидович Grimm // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19—33; *Ковалёв М.В.* Профессор Д.Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174—183; *Ковалёв М.В., Шор Т.К.* Давид Давидович Grimm в Эстонии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 17. 2018. № 1. С. 61—70.

³ См., в частности: Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. [СПб.], 1911; *Кожеевников Г.* Проклятый вопрос (к современному положению университета). М., 1911; *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества в России. СПб., 1912. С. 127; *Милюков П.Н.* Воспоминания / Сост. М.Г. Вандалковская. Т. 2. М., 1990. С. 56—57.

⁴ *Ропн А.Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования. СПб., 1912. С. 200.

⁵ См., в частности: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. Т. I. М., 2003. С. 143.

⁶ Правительственный вестник. 1910. 10(23) декабря. № 269. С. 4; РГИА, ф. 733, оп. 226, д. 93, л. 282—283; О надзоре за учащимися высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 3—4; Правительственные распоряжения // Там же. С. 38—40; О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // Там же. С. 41—43. Подробнее см.: *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907—1911 гг. СПб., 2014. С. 130—131.

⁷ Подробнее см.: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 613—663.

⁸ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. № 67. СПб., 1913. С. 15—17.

⁹ *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 152; Биржевые ведомости. 1911. 7 февраля. № 12162. С. 3; Речь. 1911. 11(24) февраля. № 41. С. 4.

¹⁰ Протоколы заседаний Совета ... С. 109, 160. Ещё 26 августа Кассо отправил в отставку проректора И.Д. Андреева, подавшего прошение вместе с Гриммом (Там же. С. 140).

¹¹ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет ... С. 682—683.

¹² *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднейимперского периода. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

¹³ *Таубе М.А.* «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917) / Публ. Ф.А. Гайды и М.А. Волхонского. М., 2007. С. 150.

¹⁴ *Ростовцев Е.А., Баранов Д.А.* Образ чужого: «проклятый цыган» (Л.А. Кассо в воспоминаниях современников) // Клио. 2018. № 12. С. 27—36. Это вполне проявилось в реакции прессы на его кончину (См.: Раннее утро. 1914. 27 ноября. № 273(8477). С. 4; Русские ведомости. 1914. 27 ноября; Московский листок. 1914. 27 ноября; Современное слово. 1914. 27 ноября; Зауральский край. 1914. 28 ноября. № 226. С. 2; Саратовский листок. 1914. 29 ноября; Земщина. 1914. 28 ноября. № 1854. С. 3. Любопытную подборку таких материалов собрал М.А. Таубе: ГА РФ, ф. 596, оп. 1, д. 77.

Дмитрий Николаев

Рец. на: «По обстоятельствам военного времени...» (Нижегородская губерния в 1914 — начале 1918 г.): сборник документов. В 2 ч. / Сост. Е.Э. Ешан. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области; Центральный архив Нижегородской области, 2018. Ч. 1. 492 с.; Ч. 2. 632 с.

Dmitry Nikolaev

(Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)

Rec. ad op.: «Po obstoyatel'stvam voyennogo vremeni...» (Nizhegorodskaya guberniya v 1914 — nachale 1918 g.): sbornik dokumentov. Part 1—2. Nizhny Novgorod, 2018

DOI: 10.31857/S086956870008288-7

100-летие начала Первой мировой войны вызвало к жизни небывалую до сего времени волну региональных историко-документальных изданий, освещающих разнообразные аспекты жизни российской провинции того

периода¹ и претендующих в целом (иногда без особого успеха) на всестороннее рассмотрение темы на локальных уровнях. Рецензируемый сборник также посвящён краевой истории времён Первой мировой и разнообраз-